

Цзян Ехун готов был сквозь землю провалиться, лишь бы зарыться поглубже и никогда больше не показываться на свет. Он и сам не понимал, что на него нашло, и теперь сгорал от жгучего стыда.

— Старший брат Чу, о чём ты? — недоумённо переспросил Жун Жо. — Что значит «стыдно показаться на глаза»? Я совсем тебя не понимаю.

Ехун в отчаянии присел на корточки, обхватив голову руками.

— Я... мне сон приснился. В голове всё перемешалось, разум помутился, сам не ведал, что творю. Не бери в голову. Давай лучше поедим, сначала нужно поесть...

С самого утра Ехун вёл себя как ошпаренный, окончательно запутав Жун Жо. Юноша с трудом попытался сесть; тот тут же подложил ему под спину подушку. Жун Жо оставался смертельно бледным — он выглядел как человек, чей недуг добрался до самого сердца. Ехун взял чашу с бульоном.

— У меня нет таланта к готовке, так что пока потерпи. На обед я закажу что-нибудь в таверне и пришлю сюда.

Во рту у Жун Жо стоял привкус крови, аппетита не было вовсе.

— Не стоит. Мне уже лучше, не нужно так за меня переживать, старший брат Чу.

Ехун нахмурился.

— Что значит — не нужно? Ты пострадал от отката только потому, что спасал меня. И спасаешь уже второй раз! Неужели я не могу о тебе позаботиться? Не смей больше так говорить.

Жун Жо потупился.

— Прости... Я не хотел расстраивать тебя.

— А-Жо! Ты снова за своё? — Ехуну до боли не нравилась эта привычка юноши извиняться по любому поводу. Плоды воспитания в музыкальном доме Ижэнь-гэ: что бы ни случилось, первым делом проси прощения. Ехун чувствовал и жалость, и глухое раздражение. — А-Жо, я на тебя не злюсь. Ты ни в чём не виноват, и тебе не нужно лебезить. Мы с тобой равны, запомни это.

Жун Жо крепко сжал пальцы на одеяле.

— Я... я постараюсь исправиться...

Ехун ласково коснулся его макушки.

— Вот и ладно. А теперь — за еду.

Он попробовал кашу: температура была в самый раз.

— Давай, я покормлю тебя.

Жун Жо замялся, но всё же послушно открыл рот. Ехун, напротив, залился краской. Он только что попробовал еду той же ложкой — прилично ли теперь кормить ею юношу? Впрочем, отступить было поздно. Он решил просто сделать вид, что так и надо. Пока он подносил ложку за ложкой, Жун Жо сидел тихо и смиренно, а Ехун всякий раз украдкой поглядывал на него и, ловя себя на этом, тут же смущённо отводил взгляд.

— Тут ещё закуски есть, хочешь?

Жун Жо бессильно откинулся на подушки.

— Старший брат, я...

— Если не хочешь, так и скажи, не принуждай себя.

Юноша слабо улыбнулся, хотя было видно, что каждое движение даётся ему с трудом.

— Больше не лезет.

— Ну, на нет и суда нет. Полежи пока, а я схожу за лекарствами. После мне нужно в ямэнь: дело У Хуэйюнь и Фу Юдао ещё не закрыто, осталось много неясностей. Отдыхай дома, а в полдень я принесу обед. Да, а если ты пить захочешь?

Ехун придвинул стол прямо к кровати.

— Вот так дотянешься. Я сейчас ещё чайник вскипячу.

Он потрогал одеяло и нахмурился:

— Слишком тонкое. Принесу ещё одно, а то после болезни ты совсем слабый, нельзя простужаться.

Не дожидаясь ответа, Ехун метнулся в свою комнату и вернулся с охапкой постели. Укрыв юношу, он добавил:

— Так-то лучше. Может, ещё жаровню разжечь?

Жун Жо осторожно перехватил его руку.

— Старший брат Чу, не нужно. Мне не холодно, правда. Не беспокойся так. У меня есть одна мысль... Когда будешь в ямэне, проверь кое-что. Поговори с У Шунем и домашними У Хуэйюнь. Спроси, часто ли У Юй бывал дома и как он вёл себя с родными.

— Хорошо, я всё разужнаю. Отдыхай. На столе я оставил сладости — если проголодаешься или совсем силы оставят, перекуси.

Жун Жо мягко улыбнулся:

— Спасибо. Ты очень добрый и внимательный человек.

Ехун снова начал заикаться:

— Да... да это пустяки... Мелочь, не стоящая... э-э... позора...

Юноша лишь улыбнулся в ответ, не став поправлять его — «не стоящая внимания».

— Тогда сегодня я не смогу пойти с тобой. Будь осторожен.

Ехун с силой хлопнул себя по груди:

— Со мной-то что станется? О себе думай! Ладно, я за лекарствами.

Он развернулся и так лихо зашагал к выходу, что запнулся о порог и растянулся на полу. Подняв голову, он увидел краснопёрого петуха, который гордо вытянул шею. Ехун понятия не имел, как выглядит смех на куриной морде, но сейчас был уверен: эта птица над ним издевается.

Он поднялся, отряхиваясь:

— Ах ты... Ты ещё смеяться вздумал? Ну, я тебе...

Петух воинственно захлопал крыльями, и Ехун тут же сбавил тон.

— Ладно, я сегодня спешу, так что не буду с тобой связываться.

Крючком обойдя задиристую птицу, он выскочил за ворота. Нужно было зайти в лавку за снадобьями — он собирался сделать это ещё вчера, но сам не заметил, как провалился в сон.

Как только шаги Ехуна стихли, Жун Жо сел в постели. Откат действительно был тяжёлым, но не настолько, чтобы он не мог пошевелить пальцем. Он налил себе чаю, чтобы смочить пересохшее горло. Вчерашний кукольник, скорее всего, был лишь мелкой сошкой, посланной на поиски Нефритового Цзилия. Тот факт, что на беднягу наложили заклятье Собирания Души, лишив возможности назвать имя хозяина, говорил о многом. На такое способен лишь выдающийся мастер вуду/шаманизма. Неужели это тот, о ком он думает?.. Сомнения тяжёлым камнем легли на душу.

Тем временем Ехун в спешке метался по городу. Тревога не давала покоя: а вдруг кукольник вернётся, пока А-Жо один и незащищён? «Совсем голову потерял, — ругал он себя, — как можно было оставить его без присмотра?» Не теряя ни минуты, он заскочил домой. Петух всё так же копался в пыли, выживая червяков. Ехун выдохнул.

Он заглянул в комнату: Жун Жо мирно спал. Смахнув пот со лба, Ехун принялся раздувать огонь под аптекарским котелком. Мысли вернулись к оружию. Обычный меч лежал в руке непривычно, не хватало веса и баланса. Эх, была бы сейчас при нём Зонт Алого Пламени... Говорили, что после той нелепой смерти (когда он подавился чёртовым орехом), зонт похоронили вместе с ним. Ехуну до зуда в ладонях хотелось разрыть собственную могилу и забрать артефакт, но он понимал: стоит кому-то опознать оружие главы Люфэн-гэ, и проблем не оберёшься.

Дождавшись, когда лекарство настоится, он отнёс чашу юноше.

— А-Жо, выпей и спи дальше.

Жун Жо приоткрыл глаза.

— Старший брат Чу, ты столько трудишься... Всю ночь глаз не смыкал, а теперь ещё и еда, и лекарства. Мне право...

— Не забивай голову. Ты мой спаситель, заботиться о тебе — мой долг. Пей, пока горячее, а мне пора в ямэнь.

Ехун снова почувствовал, как щеки обдало жаром. Уже у дверей он вспомнил про сверток, припрятанный за пазухой. Купил засахаренные фрукты, чтобы А-Жо было чем заесть горечь лекарства, но сейчас это казалось каким-то слишком личным, почти двусмысленным жестом. «А, была не была!»

Он вернулся к кровати и быстро выложил сладости на стол.

— Если будет горько... съешь. Я ушёл!

Он припустил прочь так быстро, что Жун Жо не удержался от тихого смеха.

В Ямэне как раз вернулись ловчие, наводившие справки о матери и сыне. Чжао Чэнь разложил на столе пожелтевшую бумагу.

— Сюй Вань была родом из земель Озера Яоху, — доложил Лао Чжао. — Ребята разузнали: много лет назад там перевернулась лодка. Погибло полно народу. Почти всех покойников опознали и забрали родные, остались только двое — женщина и маленький мальчик. Власти тогда и объявления развешивали, и кликуш нанимали — тишина. В итоге тогдашний уездный судья на свои кровные купил два гроба и велел похоронить их на холме у озера. Наши люди проверили: могилки там, на отшибе. Даже надгробий нет, одни холмики заросшие. Жалость, да и только.

Ехун замер, переваривая услышанное.

— Значит, Сюй Вань и её сын, скорее всего, погибли по пути на родину. Но тогда кто тот «У Юй», которого У Хуэйюнь привела в дом?

Чжао Чэнь хлопнул себя по лбу.

— И то верно! Если настоящие Сюй Вань с сыном сгнули в водах Яоху, кого же тогда выдают за покойного бастарда?

Ехун схватил меч.

— Идём. Нужно навестить У Шуня.

В «Портновской мастерской У» не было ни души. У Шунь уныло щелкал костяшками счётов, то и дело вздыхая. Стоило ему завидеть Ехуна, как сердце у него ушло в пятки — в последнее время вид стражников вызывал у него лишь нервную дрожь.

— Ловец Чу, что на этот раз?

Ехун сунул ему под нос старую листовку.

— Узнаёшь эту женщину?

У Шунь присмотрелся.

— Узнаю. Сюй Вань, жила по соседству с У Хуэйюнь.

— На портрете она?

— Осунулась малость, — кивнул лавочник, — но точно она. Красавица была, на всю округу славилась.

Ехун ткнул пальцем в текст объявления.

— Сюй Вань и её ребёнок погибли на озере Яоху. Нам уже известно, что У Юй — сын Сюй Вань и Цуй Ина. Раз настоящие наследники мертвы, кого твоя сестра притащила в столицу?

У Шунь в ужасе выронил бумагу.

— Я... я не в курсе! Хуэйюнь просто сказала, что парень вернулся. Ей нечем было отдавать долги ростовщикам, вот она и решила использовать мальчишку, чтобы вытрясти золото из принцессы и поместья Унань-вана... Я и помыслить не мог, что они давно на том свете!

— Этот парень, он жил у неё в доме?

— Жил, но на глаза почти не показывался. Хуэйюнь твердила, что он — вылитый Цуй Ин, и если его увидят, беды не миновать. Так что он сидел взаперти, всё читал да писал. А когда его не было в комнате, Хуэйюнь махала рукой: мол, опять в игорный дом сбежал.

— То есть, ты его почти не видел?

У Шунь задумался.

— Ну да... Хоть он вроде как и был в доме, но пересекались мы редко. Поставишь миску с едой под дверь — и ладно. Все к этому привыкли.

Ехун почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Выходит, вы даже не знали наверняка, заперт он там или нет?

— Должен был быть там... Хотя иногда еда оставалась нетронутой, но тогда мы думали, что он просто ушмыгнул погулять. А что, что-то не так?

Ехун не ответил. Он развернулся и бросился на поиски Чао Шэна. Чжао Чэнь едва поспевал за командиром.

— Глава Чу, да в чём дело-то?!

— Не знаю, Лао Чжао. Но всё это чертовски странно. В доме есть человек, которого никто не видит. Непонятно, когда он там, когда его нет... Это не человек, а какой-то призрак.

— О чём ты, командир? — Чжао Чэнь озадаченно почесал затылок. — Я совсем запутался.

— Я и сам запутался. Пошли, нужно ещё раз допросить Чао Шэна.

<http://bllate.org/book/17428/1689590>